

ПРАВОСЛАВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ НА ЗАПАДЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС

Протоиерей Тимофей Фетисов

Кандидат богословия,
ректор Донской духовной семинарии,
344033, Ростов-на-Дону, ул. Всесоюзная, 196
donseminary@gmail.com

Для цитирования: *Фетисов Т. А., прот.* Православная политическая теология на Западе: современный дискурс // *Праксис*. 2022. № 2 (9). С. 44–54. DOI: 10.31802/PRAXIS.2022.9.2.004

Аннотация

УДК 2-747

В статье охарактеризованы тенденции, получившие развитие в современной западной православной политической теологии. На примере двух ее представителей — ректора Богословской академии (г. Волос) Пателиса Калаидзидиса и американского теолога Аристотеля Папаниколау, — делается вывод о неоригинальности данного вида практической теологии, которая является следствием протестантского модернистского богословия.

Ключевые слова: политическая теология, практическое богословие, П. Калаидзидис, А. Папаниколау.

Orthodox political theology in the West: modern discourse

Archpriest Timofei Fetisov

PhD in Theology
Rector of the Don Theological Seminary
Building 196, St. Vsesoyuznaya,
Rostov-on-Don 196344033, Russia
donseminary@gmail.com

For citation: Fetisov Timofei, archpriest. "Orthodox political theology in the West: modern discourse". *Praxis*, № 2 (9), 2022, pp. 44–54 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2022.9.2.004

Abstract. The article describes trends that have developed in modern Western Orthodox political theology. On the example of two of its representatives – the rector of the Theological Academy (Volos) Patelis Kalaidzidis and the American theologian Aristotle Papanikolau – a conclusion is made about the unoriginality of this type of practical theology, which is a consequence of Protestant modernist theology.

Keywords: political theology, practical theology, P. Kalaidzidis, A. Papanikolau.

В настоящем сообщении охарактеризованы тенденции, получившие развитие в современной западной православной политической теологии на примере двух ее самых ярких представителей — ректора Богословской академии г. Волос Пателиса Калаидзидиса и американского теолога Аристотеля Папаниколау.

А начать я бы хотел с одной свежей истории, которая случилась в июле 2022 года в Греции. Без разрешения местного епископа, в пригороде Афин, архиепископ Американский Элпидофор совершил крещение приемных детей двух гомосексуалистов. Крестными восприемниками стали друзья из окружения этой гей-пары. Естественно, случившееся вызвало громкий скандал. Местный епископ был оскорблен нарушением границ его канонической власти, а православная общественность возмутилась кощунством по отношению к церковному таинству и разрушением нравственных основ православия. Эта скандальная история, конечно, произошла не случайно. Ее целью стало вбросить в пока еще традиционное греческое общество идею о приемлемости совершения таинств с участием гомосексуалистов. Предлог был выбран весьма сентиментальный. Действительно, — разве можно отказать в крещении милых и беззащитных детей, каковых есть Царство Небесное? А дальше следует простая логика — вместе с крещением приемных детей гомосексуалистов, одновременно признается то, что это, во-первых, именно *их* по праву дети. А, во-вторых, если Церковь признает, официальную принадлежность детей гомосексуальной паре, то следующим неминуемо возникнет вопрос о согласии на венчание геев, ведь нехорошо же детям расти в невенчанном браке. Отчасти цель этой провокации была достигнута, — если ранее подобные вещи казались немыслимыми и даже не обсуждались, то теперь эта тема была поднята на уровень общественной дискуссии.

Естественно, митрополит Элпидофор попытался оправдаться, апеллируя к общечеловеческим ценностям, равноправию, терпимости и любви. С другой стороны, его оппоненты справедливо указывали на то, что крещение детей совершается только по вере родителей и восприемников, находящихся в Церкви, а эти извращенцы без покаяния конечно находятся вне Церкви, высказывались и другие аргументы.

Хотя проблема эта, безусловно, очень актуальна с точки зрения социального богословия и экклезиологии, но все-таки заслуживает по этой причине отдельного исследования. Я же привел данный случай только потому, что на мой взгляд он служит весьма подходящим прологом к заявленной теме. Невооруженным взглядом за происходящим

просматривается не столько религиозная подоплека, сколько определенная, очень узнаваемая идеология.

Не будет преувеличением утверждать, что все мы являемся свидетелями той ситуации, когда политическая борьба в современном мире связана уже не столько с конкуренцией политических доктрин, сколько с противостоянием ценностных систем. Для этого итога архитекторы нового мира используют и религиозный фактор. Характерный современный пример — активные попытки тотального уничтожения Православия через разрушение единства православных народов с помощью так называемых оранжевых политических технологий. Но есть и более изощренные методы, где враг действует более тонко. Например, пытаясь с помощью ряда подручных теологов осуществить деконструкцию традиционного святоотеческого богословия и создать вместо него некий теологический новодел, целью которого является рецепция в лоне Православия такой политической теологии, которая стала бы сакральным обоснованием идеологии либерализма. При этом совершается авторы прибегают к такому классическому трюку как подмена, когда в традиционные формы православного политического богословия вкладывается совершенно противоречащее им содержание.

При этом, те мысли святых отцов и византийских богословов о праве и государстве, которые не соответствуют лекалам рационалистической методологии западного типа, объявляются устаревшими, неактуальными. Так, например, Панделис Калаидзидис считает ни много ни мало — препятствием для прогрессивного политического богословия прозвучавший в 20 веке призыв возвращения к святоотеческой традиции, ««возвращения к отцам», выдвинутый выдающимся русским богословом-эмигрантом о. Георгием Флоровским». Вредным Калаидзидис считает его потому, что оно слишком контрастирует с западной теологией. Вот, что он пишет: «попытка «девестернизировать» православное богословие и очистить его от различных инородных влияний, что в конечном итоге привело к чрезмерному упору на святоотеческое предание как на абсолютный и нормативный критерий и меру богословия. библистики, внеисторический подход к святоотеческому богословию, слабая реакция на различные вызовы современности»¹. Зато, так называемая «теология революции», как религиозная мотивация политической борьбы, занимает заметное место в трудах данного западного

1 Подробнее см.: *Калаидзидис П.* От «возвращения к отцам» к необходимости современного православного богословия / П. Калаидзидис // Страницы: богословие, культура, образование. 2012. Т. 16, № 3. С. 326–353.

православного богослова, который считает, цитирую: что «подлинная политическая теология рождается в противостоянии церкви светской власти, что называется обычно пророческим дискурсом»². В этом послыле, как мы понимаем, в религиозный фактор политики уже закладывается мощный протестный потенциал, который уже не однократно был использован в разного рода революционных движениях.

Другим примером попытки подмены ценностей внутри православной политической традиции является творчество такого американского богослова греческого происхождения как Аристотель Папаниколау. В 2021 году русскоязычный читатель смог познакомиться с основным его трудом «Мистическое как политическое»³, в котором он выразил свое политическое кредо.

Последуя тренду вестернизации православной теологии, резко критикуя византийскую парадигму политического богословия, Папаниколау одновременно выступает за активное религиозное участие в политике участие Церкви в политике. При этом для обоснования такого политического участия он прибегает к традиционному мистическому нарративу аскезы, нарекая свою концепцию «политикой теозиса обожения», цитирую: «поскольку аскетика богочеловеческого общения всегда предполагает отношение к другому, постольку политика должна быть переосмыслена как аскетическая практика...» — утверждает автор. Целью книги является доказать, что если христианское призвание состоит в теозисе, понимаемом как общение между Богом и человеком, обретаемом через умение любить, то к людям, которые не разделяют его убеждения и ценности, христианин должен подходить с аскетикой теозиса. Вроде бы звучит на первый взгляд замечательно. Но далее, основываясь на этой аксиоме автор предлагает примирить Церковь с постхристианским миром через принятие концепции так называемого христианского секуляризма, которая предполагает отказ от доминирующей роли православия в государстве, признание равенства всех религий в обществе и нравственный плюрализм в отношении сексуальных меньшинств.

А. Папаниколау говорит: «Христианский секуляризм, как я его понимаю, обусловлен христианским призванием. Что есть христианское призвание? Оно состоит в теозисе: глубоком и постоянном

2 Political Theologies in Orthodox Christianity: Common Challenges and Divergent Positions / Edited by K. Stoeckl. An imprint of Bloomsbury Publishing Plc, 2017. P. 153.

3 См.: Папаниколау А. Мистическое как политическое. Демократия и не-радикальная ортодоксия / пер. с англ. А. Кырлежев. М., 2021.

общении с Отцом во Христе через Святого Духа. Оно проявляет себя в том, как мы исполняем величайшую заповедь возлюбить Бога — всем сердцем, всеми мыслями и всей душой — и любить ближних как самих себя», совершать поступки, которые приблизят к Богу, Который есть Любовь... в политическом пространстве христианин учится любить, ведь именно в нем он встречает и другого человека, и врага»⁴. И что из этого следует? Это значит, продолжает Папаниколау, что православные должны выступать против всякого неравенства, а именно: «никогда не должны поддерживать такие законы, как так называемый закон против «пропаганды гомосексуализма в России». Ведь, как он считает «протест против поправок к Конституции позволил бы самим гомосексуалам более правдиво говорить о своей сексуальности»⁵. Именно демократические структуры Запада американский теолог считает образцом и «следствием христианской православной аскетической борьбы, целью которой — научиться любить», ибо демократия, цитирую — «создает такие пространства, где ... откровенное признание, что человек является геем, транссексуалом или трансгендером, больше не несет с собой культурных и политических рисков»⁶.

Не буду за отсутствием времени останавливаться на богословской несостоятельности теоретических построений Папаниколау. Да и слишком очевидно, что его концепция подчинена одной главной задаче — обосновать следующий тезис автора: «Политика как аскетика, к которой призваны христиане, будет способствовать формированию такого политического пространства, которое напоминает либеральную демократию. Под либеральной демократией я понимаю не что иное, как политическое пространство, определяющееся общим благом, в котором действуют принципы равенства и свободы, так что первый принцип включает социальное и экономическое равенство, а второй — религиозную свободу, которой способствует разделение церкви и государства»⁷. Таким образом, перед нами оригинальная, но неудачная попытка синтеза православной аскетики с реалиями современной западной цивилизации, восточной мистики и западного рационализма и секуляризма, где христианская любовь не имеет онтологического измерения, ассоциируется с этикой либерализма в контексте психологизма.

4 Там же. С. 330.

5 Папаниколау А. Мистическое как политическое. Демократия и не-радикальная ортодоксия / пер. с англ. Александр Кырлежев. М., 2021. С. 325.

6 Там же. С. 326.

7 Там же. С. 331–332.

Весьма показательно, что и Калаидзидис и Папаниколау именно с позиций западной либеральной теории прав человека подвергают резкой критике *Социальную концепцию и учение о достоинстве, свободе и правах человека Русской Православной Церкви*⁸, которая как известно не отождествляет достоинство личности с ее ценностью. Напомню, что согласно христианскому учению о права человека если ценность каждого человека онтологична, так как он является образом Божиим то ее достоинство не безусловно, а зависит от соответствия личности нравственным универсалиям, а в религиозном контексте — мерой соответствия, или на библейском языке — степенью подобия Богу, Его образу в человеке. Но, как известно, богословы-модернисты западной традиции, проповедуют отказ от всякой онтологии. Заключая, можно подытожить, что концепции и подходы вышеназванных теологов, выступающих от имени Православия, на самом деле предназначены для деконструкции святоотеческой парадигмы политической теологии и традиционного православного взгляда на права человека, внося тем самым существенный вклад в пропаганду нового, альтернативного православия через разрушение подлинной ортодоксии. Подобные идеи, по сути, являются инструментом мягкой силы, эдаким троянским конем и составной частью либерального проекта демократической партии США. Не случайно книга Папаниколау и написана и переведена на средства подведомственного американским демократам неправительственного фонда. Думается, совсем скоро мы увидим и пока еще не переведенные на русский язык книги Панделиса Калаидзидиса.

Говоря о корнях этого, достаточно нового для православной теологии дискурса, нетрудно заметить, что, он явился побочным продуктом секуляризации или, скажем по-русски яснее — обмирщения христианства на Западе. Исторически секуляризация теистической мысли там была связана с тем, что в результате институционального отделения Церкви от государства, теология вышла из-под эгиды клерикального образования и стала автономной от церковных учреждений светской наукой. Во внеконфессиональную теологию быстро проникли модные установки западного либерализма. Многие из них были заимствованы из европейской мысли, и, в частности, из английского христианского социализма, который был представлен англиканскими священниками Фредериком Морисом, Чарльзом Кингсли, юристом Джоном Ладлоу,

8 См.: Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/428616.html>.

др., полагавших, что церкви необходимо перестать заниматься трансцендентальными вопросами и сосредоточиться на построении царства Божия на земле. И все же, в период перед первой мировой войной либеральная теология стала скорее фирменным, типично американским явлением. Своему идейному содержанию она была созвучна философии и настроениям социальных движений того времени, что проявилось в ее секуляризме, прагматизме, антионтологизме и отрицании традиции. Онтологические аспекты религиозного учения уступили место всевозможным релятивистским и историцистским концепциям, которые стали смотреть на библейскую историю как на сумму исторически относительных мифологических воззрений, выражающих космологию, мораль и миропонимание людей неразвитых культур Ближнего Востока. Вместе с тем, «либеральная теология не была чисто теоретическим порождением, а теоретики этого движения не замыкались в чисто академической сфере»⁹. Она представляла собой практическую идеологию широкого движения «социального христианства», оказавшего огромное влияние на общественную реальность США, начиная с первых десятилетий XX и до сего дня. В либеральной повестке свободной теперь от метафизики теологии главную роль играли задачи социального, подчас революционного переустройства мира.

Параллельно этому процессу, в Западной Европе идея «секулярной теологии» продвигалась лютеранским священником и активным деятелем церковной оппозиции в гитлеровской Германии Дитрихом Бонхёффером (1906–1945), автором известной книги тюремных записок «Соппротивление и покорность».

По убеждению Бонхёффера, Бультман, предложивший демифологизировать Новый Завет, «пошел недостаточно далеко», ибо вся традиционная церковность и религиозность, перестала удовлетворять «повзрослевший» мир. Утверждения Бонхёффера о том, что современный человек стал «совершеннолетним» и не нуждается в религиозных поводах, что теология должна стать политически релевантной, его призыв к «безрелигиозному» толкованию христианства был подхвачен многими западными коллегами, среди которых наиболее известен русскому читателю популярный американский теолог Харвей Кокс и его книга «Мирской град»¹⁰.

9 Юлина Н. С. Теология и философия в религиозной мысли США XX века / отв. ред. Ю. Н. Семенов. М., 1986. С. 49.

10 См.: Кокс Х. Мирской град. Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте / пер. с англ. О. Боровой и К. Гуровской. М., 1995.

Вслед за Бонхёффером Кокс заявил, что в современных условиях «теологическая честность» требует признания тезиса «Бог мертв», так как теологический принцип существования Бога потерял смысл, поскольку стал излишним в современной социокультурной действительности. Кокс заявил, что основы секуляризации коренятся не философии Нового времени, а в трех последовательных библейских событиях: во-первых, в сотворении мира Богом — конституирующем абсолютную свободу человека как образа Божия и индетерминированность стихиями природы, во-вторых, в событиях Исхода, когда была десакрализована всякая политическая власть в лице Фараона и его жрецов, в-третьих, в синайском завете, который, как считал Кокс стал моментом рождения светской системы ценностей. То есть Кокс попытался с помощью довольно причудливой и противоречивой интерпретации с позиций Священного Писания утвердить три столпа секулярного либерализма: ничем не ограниченную свободу личности, ничтожность государства, релятивизм в отношении любых ценностей. Чтобы понимать, насколько натянутым было такое толкование, достаточно сказать, что, например, условность каких-бы то ни было ценностей, он вывел из Синайской заповеди «не сотвори себе кумира», отождествив идолов с системами ценностей. Секуляризация, по его мысли, предлагает определить ценности каждому по своему усмотрению, что расширяет человеческую свободу и ответственность, освобождает человека «сначала от религиозного, а затем и от метафизического контроля над его разумом и языком»¹¹.

Кокс пишет, что «такой же секуляризации должна подвергнуться и теология, если она хочет остаться значащей в современной культуре. Это означает прежде всего, что она должна отказаться говорить на языке метафизики и космологии, на языке трансцендентного бытия, характерного для провинциальных обществ, и начать рассуждать на языке урбанизма и прагматизма»¹².

Таким образом, утверждая, что традиционные религиозные принципы и ценности мешают строить новый мировой порядок западные теологи обосновывают автономность морали от религии и, отводят последней роль одного из многих общественных институтов, главной целью которого, в секулярном социуме, отныне является не молитва и обожение, а земные проблемы: борьба с бедностью, помощь

11 Там же. С. 50.

12 Юлина Н. С. Теология и философия в религиозной мысли США XX века / отв. ред. Ю. Н. Семенов. М., 1986. С. 86.

нуждающимся, забота о больных, бездомных и защита разного рода гонимых меньшинств.

Итак, даже краткий экскурс в историю секуляризации теологии на Западе позволяет увидеть, что концепции Калаидзидиса и Папаниколау отнюдь не оригинальны. Это лишь попытка переупаковать в обертку Православия давно просроченный продукт, произведенный западно-протестантским модернистским богословием. О таких богословах довольно метко сказал недавно Святейший Патриарх в своем слове к новопоставленному архиерею, досточтимому ректору Московской духовной академии епископу Звенигородскому Кириллу: «Некоторые так называемые «прогрессивные теологи», богословы, коих множество за пределами нашего Отечества, пытаются приспособить богословие под свои немощи и слабости, а подчас и вовсе оправдывают явные грехи и пороки. Мы являемся свидетелями этого апостасийного богословия»¹³.

В заключение, напомним, что Православию уже приходилось в истории сталкиваться с западноевропейским секулярным гуманизмом, привезенным с Запада монахом Варлаамом как продукт античного философского эллинизма. Церковь ответила на этот вызов богословием святителя Григория Паламы. В то время именно победа исихазма над секулярным гуманизмом позволила по словам прот. И. Мейендорфа Церкви «выжить под турецким игом и долго оставаться чуждым тому великому кризису секуляризации, который на Западе был вызван Возрождением»¹⁴. Сегодня история повторяется, но найдутся ли в православном богословии новые Григории Паламы? В этом и состоит главный вопрос.

Библиография

Слово Святейшего Патриарха Кирилла при вручении архиерейского жезла Преосвященному Кириллу, епископу Звенигородскому // Официальный сайт Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5961581.html> (дата обращения: 01.10.2022).

13 Слово Святейшего Патриарха Кирилла при вручении архиерейского жезла Преосвященному Кириллу, епископу Звенигородскому // Официальный сайт Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5961581.html>.

14 Мейендорф И., прот. Св. Григорий Палама, его место в Предании Церкви и в современной истории // Православие и современный мир: лекции и статьи / прот. И. Мейендорф. Минск, 1995. С. 98–99.

- Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Официальный сайт Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/428616.html> (дата обращения: 01.10.2022).
- Калаицидис П.* От «возвращения к отцам» к необходимости современного православного богословия / П. Калаицидис // Страницы: богословие, культура, образование. 2012. Т. 16, № 3. С. 326–353.
- Кокс Х.* Мирской град. Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте / пер. с англ. О. Боровой и К. Гуровской. М.: Восточная литература, 1995.
- Папаниколау А.* Мистическое как политическое. Демократия и не-радикальная ортодоксия / пер. с англ. А. Кырлежев. М.: Изд. Медленные книги; Дух и Литера, 2021.
- Юлина Н. С.* Теология и философия в религиозной мысли США XX века / отв. ред. Ю. Н. Семенов. М.: Наука, 1986.